

DOI 10.26105/SSPU.2023.3.84.017

УДК 94(470+571)''1917/1918''

ББК 63.3(2)611-543

Д.О. КОМАРОВ

**ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ РУССКОГО
АНАРХИЗМА В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД
ВЕЛИКОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ**

D.O. KOMAROV

**PROBLEM QUESTIONS OF RUSSIAN
ANARCHISM IN THE INITIAL PERIOD OF THE
GREAT RUSSIAN REVOLUTION**

В статье предпринят анализ проблем русского анархизма, которые наиболее зримо проявились в результате революционных событий 1917–1918 годов. Анализируя деятельность адептов отечественной вариации данного учения, направленную на решение конкретных задач, и некоторые её идейные основания в конкретный промежуток времени, автор выявляет наиболее слабые и противоречивые стороны, которые не позволили русским анархистам, в конце концов, достигнуть поставленных целей и преобразовать революционную Россию в рамках многообразия их концепций.

The article undertakes an analysis of the problems of Russian anarchism, which most manifested themselves as a result of the revolutionary events of 1917–1918. Analyzing the activities of adherents of the domestic variation of this doctrine, aimed at solving specific problems and some of its ideological foundations in a specific period of time, the author identifies the weakest and most controversial aspects that did not allow Russian anarchists, in the end, to achieve their goals and transform revolutionary Russia within the framework of variety of their concepts.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: анархизм, консолидация, проблема, федерация, тактика**KEY WORDS:** anarchism, consolidation, problem, federation, tactics.

ВВЕДЕНИЕ. Русский анархизм времён Великой российской революции интересен тем, что представлен большим разнообразием различных течений, которые пытались сосуществовать друг с другом и при этом старались, в русле своих постулатов, отвечать на те вызовы, которые встали перед ним на переломном этапе российской истории. Актуальность данного исследования заключается в анализе различных вариантов революционных преобразований русских анархистов, а также их идейных оснований, без которых невозможно восстановить полную картину внутривнутриполитической борьбы в начальный период революционной России.

ЦЕЛЬ статьи — выявление и анализ проблем русского анархизма, а также путей их решения в период Великой российской революции.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Источниками послужили опубликованные документы и материалы анархистского движения, а также труды социально-политической направленности видных анархистов рассматриваемого периода.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ. Свержение монархии в результате Февральской революции 1917 года дало возможность русским анархистам расширить своё влияние. Была сформирована концепция, согласно которой революционные события по их версии будут происходить в несколько этапов. Их итогом должно было стать полное разочарование народных масс в системе центрального управления, а это, в свою очередь, должно

было привести к осознанию ими необходимости полной экспроприации земли и средств производства в общественную собственность. Рабочие и крестьяне, по мнению идеологов анархизма, на местах должны будут непосредственно заниматься переустройством общества, а идейные анархисты должны будут им в этом помочь [7, с. 21].

Отталкиваясь от данной концепции, русские анархисты в течение всего 1917 года занимаются, прежде всего, возрождением собственных организаций, при этом теперь они делают ставку на крупные, пусть и локальные, объединения, иначе говоря, федерации. Делалось это с целью решения насущной проблемы, без которой не могло быть дальнейшего развития движения в стране. В данном случае речь шла о преодолении разногласий между различными течениями, а также о выработке общей стратегии для достижения поставленных целей.

Одной из первых подобных структур была Московская федерация. Она была основана 13 марта 1917 г. и представляла собой своеобразное объединение из анархических групп, число которых постоянно росло на протяжении всего года. Вопросами управления и продвижения данной организации занимался специально избранный для этого секретарь. Кроме того, у него имелись соответствующие помощники, так называемая инициативная группа. Также существовал соответствующий Совет Федерации, имеющий своей основной целью координацию действий участников всей структуры. Его постановления носили рекомендательный характер, что в целом отвечало одному из базовых принципов анархизма об отсутствии принудительной власти над личностью и обществом, в котором она пребывает. Это говорит о том, члены движения даже на практике ставили во главу угла теоретические основания своего учения и пока не собирались пренебрегать ими даже в условиях жёсткой политической конкуренции.

Тенденцию в решении вышеупомянутых проблем отражает проведение соответствующей масштабной конференции в Харькове 18–22 июля 1917 года. Предполагалось, что на ней будут присутствовать делегаты из таких городов, как Москва, Петроград, Саратов, Самара, Ростов-на-Дону, Одесса, Севастополь и других. Ожидалось, что участники данного форума должны будут прийти к некоему консенсусу по ряду важных вопросов, для того чтобы в дальнейшем единым фронтом продолжить свою борьбу. И в целом эти ожидания оправдались, хоть и с большими оговорками.

Из сохранившихся документов, в которых отсутствуют конкретные имена докладчиков, а также присутствует лишь краткая информация о ходе Харьковской конференции, всё же становится понятно, что в анархистских группах, несмотря на некоторое изменение подхода к их организации, по-прежнему, отсутствует понимание того, как могут быть преодолены разногласия между представителями различных течений. Наряду с этим внимание докладчиков было обращено на проблему недостаточного количества активных членов, готовых работать на благо движения, а также на нехватку специальной литературы и лекторов, способных грамотно её подать [3, с. 5].

В результате дебатов делегаты пришли к мнению, что эти проблемы являются временными, и их вполне возможно решить в недалёком будущем. Для дальнейшей работы в этом направлении предполагалось создать специальное Осведомительное бюро, основной задачей которого была связь между локальными ячейками и подготовка Всероссийского съезда, на котором должна была произойти проработка всех проблемных вопросов.

Что касается тактики и размаха ведения мероприятий агитационного характера, то, прежде всего, было обращено внимание на их недостаточность, главным образом в деревне. Ставку предполагалось сделать на крестьян, находящихся в общине, которые, как в своё время писал один из крупнейших идеологов русского анархизма П.А. Кропоткин, «должны в силу их коллективного образа жизни лучше всего воспринять идеи анархо-коммунизма, с его концепцией коллективных и независимых хозяйств, построенных на вере в принципы взаимопомощи и солидарности, заимствованных из природы» [6, с. 121]. В этих образовани-

ях, лишённых государственного контроля, общими должны были стать не только средства производства, но и продукты труда, которые в теории должны были позволить удовлетворить потребности всех и каждого. Данную концепцию критиковали идеологические противники анархизма, сторонники государства, как безальтернативной формы политической организации общества. К ним относился Н.А. Бердяев, который считал, что государство со своим иерархическим строем охраняет образ человека от, так называемых, звериных стихий, от поднимающейся снизу тьмы, оно признает человека индивидуальным существом, защищает от переходящей все пределы злой воли. Закон, по его мнению, изобличает грех, ставит ему пределы и делает возможным минимум свободы в греховной жизни человеческой. «Анархизм, — писал Н.А. Бердяев, — отрицает зло и грех, адепты данного учения считают человеческую природу естественно благостной и безгрешной, чересчур её идеализируют» [2, с. 179].

Следует отметить, что некоторые русские анархисты времён Великой российской революции также осознавали слабые стороны концепции классического анархо-коммунизма и подвергли её соответствующей критике. Одним из таких критиков был И.С. Гроссман-Рощин, признававший принцип взаимопомощи в мире животных и человека [4, с. 146]. Он отмечал, что анархистам, которые хотят базировать на его основе свои концепции, не следует забывать и о таком важном понятии, как борьба, которой тоже есть место в жизни общества. П.А. Кропоткин и его последователи, в том числе и на Харьковской конференции, долгое время старательно не обращали на это внимания и считали, что борьба протекает в естественном ключе лишь при взаимодействии с классом эксплуататоров.

Кроме вышеперечисленных дискуссионных проблем, был рассмотрен вопрос о так называемых экспроприациях, которые в будущем, то есть в начале 1918 г. будут использованы большевиками как повод для политических репрессий в отношении анархистов. На самой конференции делегатам не удалось прийти к общему мнению по данному вопросу. Дело в том, что, с одной стороны, подобное отчуждение имущества без каких-либо юридических процедур вписывалось в нормы революционной поры, с другой же — подобные методы борьбы с идеологическими врагами могли, как отмечали сами анархисты, привести не столько к репутационным, сколько к боевым потерям среди ценных кадров, что в тех реалиях было просто недопустимо. В итоге, было решено отложить этот вопрос, но при этом рекомендовать всем анархистам пока не прибегать к экспроприациям [1, с. 49].

Конференция в Харькове продемонстрировала готовность представителей различных течений русского анархизма вести открытый диалог друг с другом на более высоком уровне, их желание выйти за региональные рамки своей деятельности. При этом нет смысла отрицать их общую, местами даже чрезмерную, заикленность на идейных основаниях и тактических наработках своих предшественников, которые уже далеко не всегда отвечали запросам революционного времени. Иллюстрацией этого может быть рекомендательный характер большинства постановлений, делавший так необходимую иерархию чисто номинальной [1, с. 125].

После событий в Харькове, с осени 1917 года, русские анархисты продолжили наращивать своё представительство в Советах, понимая, что без этого невозможно приводить в жизнь какие-либо из своих преобразований. Однако после Октябрьской революции часть анархистов начала призывать бойкотировать данные представительные органы из-за их превращения в новые институты власти, издающие законы, программирующие общество под властью государства. Другие видели в Советах неприятное, но необходимое средство для продвижения своих идей в массы, с которым нужно мириться и по возможности менять изнутри [1, с. 82].

Параллельно с этим продолжались попытки русских анархистов решить проблемы, сформулированные ещё на Харьковской конференции. В конце ноября 1917 года на кон-

ференции Петроградской федерации анархистов был вновь поднят вопрос о проведении Всероссийского съезда. Г.М. Богацкий, бывший тогда соредактором газеты «Буревестник», считал его организацию крайне необходимой ради продолжения революционных преобразований. Вологодский анархист А.Д. Фёдоров был с ним согласен. В своём выступлении он отметил, что проведение данного съезда позволит лучше скоординировать действия анархистов из разных регионов. Теоретик анархо-индивидуализма В.Л. Гордин в своём выступлении отметил, что съезд может позволить преодолеть некоторые противоречия между анархистами, а также даст возможность выслушать представителей различных течений для выработки наиболее объективной и устраивающей большинство программы. Было решено избрать комиссию из 10 человек, которая должна была заняться вопросом организации съезда.

В конце концов, датой его проведения стало 30 января 1918 года. В работе этого съезда приняло небольшое число организаций, всего 9, причём как отмечает один из участников того съезда московский анархист А.А. Боровой, являвшийся одним из главных теоретиков постклассического русского анархизма, делегаты не смогли даже предоставить материалы, необходимые для работы съезда. Произошедшее стало самым настоящим провалом и убедило многих анархистов оставить надежду объединить анархические течения в России [1, с. 128]. Вместо этого часть из них решила продолжить развивать стратегию создания федераций, объединённых по локальному признаку, но с возможностью привлечения представителей различных течений.

Но запрос на создание концепции, призванной примирить различные течения, не исчерпал себя полностью. Некоторые анархисты продолжали верить в создание соответствующей данной цели программы. Одним из таких был Ф.П. Неусыпов, который ещё в декабре 1917 г. выдвинул концепцию «единого анархизма». Согласно ей, каждое из течений имеет право на существование, поскольку какое-то, отдельно взятое, просто не способно удовлетворить абсолютно всех индивидов, обладающих зачастую противоположными мировоззренческими установками [1, с. 106]. При этом он допускал сосуществование разнородных личностей в рамках различных безвластных моделей общества. А также выдвинул программу переходного периода. В данном случае, идеи Ф.П. Неусыпова во многом схожи с теми, которые в своё время выдвигал М.А. Бакунин в своих первых трудах. Патриарх анархизма считал необходимым ликвидировать лишь модели централизованного государства, однако об уничтожении государственной политической власти в его теории не шло даже речи [5, с. 85]. Думается, что в данном проекте он выступал не как анархист, а как радикальный социалистический федералист. Основным посылом его проекта было то, что вместо централизованного государства должна быть создана децентрализованная федерация, состоящая из трёх уровней: низового, регионального и общегосударственного. Предполагалось наличие между государством и общиной автономного посредника. Каждая община должна была сама заниматься собственным самоуправлением, и находиться она должна была в ведении местных чиновников, избранных местным населением. Общины могли объединяться в провинции, а также избирать членов провинциального парламента. Между тем, Ф.П. Неусыпов пошёл ещё дальше, он считал всё же государственные институты временными, необходимыми лишь для последующей трансформации России.

Его программа не могла быть принята всеми анархистами в силу наличия в его концепции «переходного периода». Часть анархистов по-прежнему была убеждена в возможности проведения именно перманентной социальной революции, которая должна была быть свершена для освобождения общества от всякого гнёта законов и институтов власти, которые являются авторитетами для масс. Анархисты в революционной России, как и некоторые из их предшественников, поддерживавшие данный способ социальных преобразований, были убеждены в том, что переходный этап, с высокой вероятностью, может стать бла-

годатной почвой для установления диктатуры большевиков. Они считали неправильным передачу прав, полученных после революции от народа к партии, так как предполагали, что со временем любое подобное объединение начинает забывать о нуждах народа и превращается в группу функционеров [7, с. 93].

Исходя из данной позиции, которая была близка многим анархистам на рассматриваемом этапе российской истории, а также принимая во внимание ускорение процесса по превращению советской России в однопартийное государство и создание большевиками в январе 1918 г. Рабоче-крестьянской Красной армии, не удивительно, что уже в феврале-апреле этого года Московская федерация, а также некоторые её союзники в срочном порядке стали набирать новых членов для создания вооружённых формирований в своих рядах [1, с. 217]. Созданные таким образом отряды так называемой «Чёрной гвардии» базировались в экспроприированных особняках, а деятельность их координировалась центральным штабом.

Благодаря созданию этих военизированных формирований Московская федерация надеялась создать паритет сил на данном этапе, а в будущем иметь возможность использовать данные отряды с целью проведения социальной революции. Правда, стоит отметить, что, наряду с упомянутыми преимуществами, данная стратегия также несла с собой и определённые затруднения, если понимать контекст тех событий. Главная из них заключалась в том, подобные подразделения возникли во время преступных акций представителей уголовной среды, также занимавшихся экспроприациями особняков по всей России, при этом действовали они под знаменами анархистов.

В первые месяцы весны 1918 года федерации с черноговардейцами в составе, осознавая данную проблему, пытались её решить, и начали бороться с криминальными элементами, выдающими себя за анархистов. При этом также вскоре выяснилось, что некоторые члены «Чёрной гвардии» сами промышляли грабежом, и это потребовало дополнительных мер по пресечению подобных действий. В начале марта 1918 г. московские черноговардейцы начали выправлять сложившуюся ситуацию, потребовав от всех членов соотносить свои действия с центральным руководством, а также приставив к каждой боевой группе своих людей. В это же время начинает ужесточаться приём боевиков в Московскую Чёрную гвардию. С этого момента он вёлся только по рекомендациям членов федерации, местных групп, фабрично-заводских комитетов или районных Советов [1, с. 218]. Эти действия должны были помочь восстановить репутацию анархистского движения в столице, а также предотвратить появления новых поводов для ареста черноговардейцев большевиками.

Однако это не помешало ВЧК в ночь с 11 на 12 апреля 1918 г. начать операцию по разоружению боевых отрядов анархистов в Москве, а затем и во многих других частях революционной России. У анархистов не было регулярной армии, которую можно было бы мобилизовать, кроме того, подготовка уже имеющихся бойцов была начата незадолго до этих событий, а значит, они не могли оказать достойного сопротивления. Итогом чекистской операции стала ликвидация многих организаций анархистского толка, а их учение перестало быть одним из центральных в политической повестке революционной России. С другой стороны, операция специального органа безопасности нарождающегося Советского государства привела к дестабилизации ситуации в некоторых регионах бывшей Российской империи, так как провинциальные анархисты восприняли данные действия со стороны большевиков как крайне враждебные и ведущие к ещё большему закреплению и окончательному лишению свободы общества.

События весны 1918 года бесспорно разделили русских анархистов на два лагеря. Первые с этого момента не были готовы вести политическую борьбу в рамках существующих правил, так как считали большевиков врагами революции и планировали вести с ними борьбу. Вторые, осознавая невозможность дальнейшей борьбы в силу нехватки людских сил и материальных ресурсов и признавая большевиков меньшим злом в сравнении с пред-

ставителями уничтоженной имперской России, были готовы к мирному сосуществованию с новой властью. Однако эти два направления объединяла проявившаяся в этих условиях неспособность отвечать на глобальные вызовы. В итоге анархизм перестал быть одним из значимых центров общественно-политической жизни страны.

ВЫВОДЫ. Русские анархисты пытались адекватно реагировать на постоянно изменяющуюся социально-политическую обстановку революционной России. Основой методики большинства представителей данного движения было переосмысление теоретических проектов их предшественников и попытка за счёт их применения на практике решать текущие проблемы. Однако такой подход в результате не дал желаемых результатов, поскольку принципы, благодаря которым они должны были решаться, строились на основе предположений, а не эмпирического опыта. Русские анархисты в итоге все-таки пришли к осознанию того, что от этих принципов, в условиях политической нестабильности, можно и даже лучше отказаться. Кроме того, сами проекты на практике реализовывались не в полной мере, точнее, носили половинчатый характер в силу их рекомендательного характера. Итогом данных процессов стал раскол движения, а также переход части его членов к террору, выразившемуся, например, во взрыве в Леонтьевском переулке 25 сентября 1919 г. с целью уничтожения руководства московского комитета РКП (Б).

ЛИТЕРАТУРА

1. Анархисты. Документы и материалы. 1883–1935 гг.: в 2 кн. Кн. 2. 1917–1935 гг. М.: РОССПЭН, 1999. 704 с.
2. Бердяев Н.А. Философия неравенства. Письма к недругам по социальной философии. Берлин: Обелиск, 1923. 246 с.
3. Голос Анархии. 23 августа 1917.
4. Гроссман-Рощин И.С. К критике основ учения П.А. Кропоткина // Красная Новь. 1924. № 2. С. 139–154
5. Дамье В.В. Михаил Бакунин: от социалистического федерализма к анархизму // Философские науки. 2014. № 7. С. 83–102
6. Кропоткин П.А. Современная наука и анархия. Пг., М.: Голос труда, 1920. 316 с.
7. Эйхенбаум В.М. Революция и анархизм: (сборник статей). Б. м.: Набат, 1919. 127 с.

REFERENCES

1. *Anarhisty. Dokymenty i materialy. 1883–1935 gg.* [Anarchists. Documents and materials. 1883–1935 yy.] V 2 kn. Kn. 2. 1917–1935. M.: ROSSPEN, 1999. 704 s. (In Russian).
2. Berdyayev N.A. *Filosofia neravenstva. Pisma k nedrugam po sozialnoy filosofii* [Philosophy of inequality. Letters to Enemies in Social Philosophy]. Berlin: Obelisk, 1923. 246 s. (In Russian).
3. *Golos anarkhii* [Voice of Anarchy]. 23 August, 1917. (In Russian).
4. Grossman-Roshchin I. S. *K kritike osnov ychenia P.A. Kropotkina* [To the criticism of the foundations of the teachings of P.A. Kropotkin] // *Krasnaya Nov.* 1924. № . 2. S. 139–154. (In Russian).
5. Damier V.V. *Mikhail Bakunin: ot socialisticheskogo federalizma k anarhizmu* [Mikhail Bakunin: from socialist federalism to anarchism] // *Filosofskie nayki.* 2014. № . 7. S. 83–102. (In Russian).
6. Kropotkin P.A. *Sovremennaya nauka b anarhia* [Modern science and anarchism]. Pg., M.,: Golos truda, 1920. 316 s. (In Russian).
7. Eikhenbaum V.M. *Revolyzia i anarhizm (sbornik statei)* [Revolution and anarchism: (collection of articles)]. W. p.: Nabat, 1919. 127 s. (In Russian).